

К проблеме генезиса Шомутепинской традиции

Туфан Ахундов

Институт археологии и этнографии, Национальная Академия Наук
Азербайджана

Изучение проблемы эпохи становления производящего хозяйства на Кавказе ведутся уже несколько десятилетий. Прделана значительная работа по выделению отдельных культурных образований, определению их ареалов, некоторых сторон взаимоотношений, основных направлений их хозяйственной деятельности и т.д. Вместе с тем, многие вопросы, связанные с носителями этих культурных образований пока остаются открытыми. В частности, можно говорить о таких стратегически важных вопросах, как происхождение носителей этих традиций и внутрикавказские межкультурные взаимовлияния.

В процессе поступательного развития наших знаний по тем или иным вопросам время от времени, возвращаясь к первоисточникам, мы нередко, по уже казавшимся решённым вопросам, находим в них новое, ранее не замеченное. Это стимулирует появление новых вопросов и поиск новых решений. В результате, удаётся внести некоторые уточнения и добавления в их понимание, а порой и вовсе изменить представления о них.

Занимаясь проблемами неолита, мы обратились к материалам археологических раскопок памятников на территории Азербайджана, хранящимся в Археологическом фонде Института археологии и этнографии НАН. Фонд многие годы по различным причинам был недоступен и вся информация о материалах того или иного памятника, хранившаяся в нём, черпалась из различных публикаций авторов раскопок, а порой и из их уст. При всём уважении к этим исследователям, надо признать, что даже самое авторитетное мнение, плод их субъективного представления, не может заменить непосредственного знакомства с археологическим материалом.

Знакомясь с материалами фонда, мы открыли для себя немало нового, до того нам не известного, что несколько изменило наши представления о неолите Кавказа, сложившиеся под влиянием различных публикаций. Это, в частности, касается и вопросов генезиса носителей выделенных традиций этого времени, и внутрикавказских культурных отношений.

В 1961–64 годах Идеал Нариманов на Гянджа-Газахской равнине, недалеко от города Акстафа Газахского (ныне Акстафинского) района

Азербайджана, исследовал поселение Шомутепе, на основе которого выделил одноимённую культуру (традицию) древнейших земледельцев и скотоводов Южного Кавказа (Нариманов, 1971; Нариманов, 1963; Ахундов, 2013). Параллельно с И. Наримановым, недалеко от него в это же время, Джафаргулу Рустамов исследовал поселение Тёйретепе (Rüstəmov, 1962). Чуть позже, уже в 70-е годы И. Нариманов в этом же регионе исследовал поселение Гаргалартепеси (Нариманов, 1987, с. 23-27). И Тёйретепе и Гаргалартепеси были отнесены к традиции Шомутепе (Нариманов, 1987).

С тех пор в Гянджа-Газахском регионе Азербайджана и в сопредельном регионе Грузии выявлено достаточно большое количество памятников, входящих в круг памятников традиции Шомутепе. Определён ареал этой традиции и основные показатели. Но вопросы её происхождения и хронологического соотношения с другими традициями Кавказа остаются открытыми.

Один из основных показателей этой традиции, отличающий её от традиций южной и восточной частей Южного Кавказа и сближающий с традициями западного региона Южного Кавказа, это керамика, формованная из глины с грубыми неорганическими добавками – шамотом, дресвой и пр. Она составляет 80–85% от общего числа керамического комплекса памятников этой культуры. Остальные 15–20% аналогично традициям восточного и южного регионов, формованы из глины с растительной примесью (Нариманов, 1987:117). При этом обе группы параллельно сосуществуют во всей толще культурных отложений памятников культуры Шомутепе (Rüstəmov, 1962:24). То есть, говорить о хронологическом первенстве какой-либо из них не приходится. Они появились одновременно.

Вместе с тем, по наблюдениям Джафаргулу Рустамова, на поселении Тёйретепе, количество керамики с растительной примесью от нижних горизонтов культурных отложений к верхним уменьшается в противовес увеличению количества грубой керамики (Rüstəmov, 1962:24). Подобные данные о количественном сосуществовании керамики для памятников этого круга пока известны нам только для поселения Гёйтепе, расположенного в 60 км восточнее Шомутепе.

Подсчётам и технологическому анализу на Гёйтепе была подвергнута керамика с площади 100м² из около 2-х метровой толщи верхних горизонтов его почти 9 метровых культурных отложений. В результате было установлено, что из найденных 1525 (100%) фрагментов керамики 38,9% формованы из глины с растительными примесями, 55,1% с песком, дресвой, шамотом, слюдой и обсидианом. 16% керамики фор-

мованы из глины с растительной примесью и песком (Quliyev и др., 2010:53).

Мы не знаем, естественно или искусственно присутствует в этой керамике песок, но нет сомнения, что растительная примесь в ней преднамеренно внесённая добавка. Таким образом, керамика с растительными и неорганическими добавками на этом памятнике почти равна в процентном отношении.

Автор исследования Шомутепе и выделения одноимённой культуры И.Нариманов считал её синхронной памятникам центральной и южной частей Южного Кавказа. Он даже допускал хронологическое первенство последних (Нариманов, 1987:31-38).

Мы, главным образом, опираясь на природно-климатические предпосылки, отмечали хронологическое первенство расселения ранних оседлых земледельцев в Гянджа-Газахском регионе Южного Кавказа, связывая их с традицией Шомутепе (Ахундов, 2011:233).

В 1967–68 г. Идеал Нариманов на Гарабахской равнине исследовал поселение Иланлытепе (Нариманов, 1967; 1968; 1971). Это было первое поселение эпохи ранних оседлых земледельцев, полноценно исследованное в этом регионе Азербайджана. Оно по облику своей керамики, формованной только из глины с растительными добавками, коренным образом отличалось от памятников культуры Шомутепе. Среди многих новых для того времени открытий на этом памятнике было отмечено наличие керамических сосудов, часть закраины которых была вогнута, образуя горизонтальную перепонку, частично прикрывающую горловину и ставшую визитной карточкой поселения Иланлытепе. Кроме того, на этом памятнике в довольно большом количестве присутствовала керамика с импрессированной поверхностью.

За прошедшее время в этом регионе Азербайджана, главным образом усилиями И.Нариманова и Х.Алмамедова, выявлено более ста пятидесяти поселений ранних земледельцев (Нариманов, 1987; Алмамедов/Гулузаде, 2014).

Когда мы вновь обратились к материалам памятников Азербайджана эпохи ранних земледельцев, хранящимся в Археологическом фонде, то в этих коллекциях керамики открыли новые для себя фрагменты сосудов, позволившие значительно расширить не только ареал, но и варианты вышеотмеченной детали-перепонки.

Выяснилось, что помимо уже известных образцов подобной керамики из поселения Иланлытепе, она представлена и в материалах второго раскопанного И.Наримановым в 1980–87 годах в Гарабахском регионе памятника того периода – поселения Чалагантпе (Нариманов/Азимов, 1985; Нариманов, 1987). Этот элемент имеется и среди

фрагментов подъёмного материала, собранного с других памятников данного региона. И почти всегда его сопровождают фрагменты керамики с импрессирующей поверхностью.

В 2010 году Гарабахской энеолитической экспедицией были проведены археологическая разведка и мониторинг памятников на территориях не оккупированной части Агдамского района и частично смежных районов равнин Гарабахского региона (Alməmmədov/Axundov, 2011). Собраный с памятников керамический материал подтвердил наши предположения, возникшие при знакомстве с материалами Археологического фонда. Теперь мы с уверенностью можем говорить, что отмеченная деталь в оформлении горловин керамических сосудов – характерный элемент для всех неолитических памятников Гарабахского региона, выделяемых нами в традицию под названием «Гарабахский неолит». Этот элемент тут представлен в различных вариантах. И почти всегда его сопровождает керамика с импрессирующей поверхностью.

Просматривая в Археологическом фонде керамические коллекции поселений Шомутепе, Тейретепе и Гаргалартепеси, а также материалы разведок в Гянджа-Газахском регионе, мы среди образцов керамики, формованных из глины с растительной примесью, обратили внимание на наличие и фрагментов сосудов с указанной деталью в различных версиях, идентичных таковым в керамике Гарабахского неолита. И. Нариманов упоминал о наличии таковых на памятниках культуры Шомутепе и предполагал, что они проникли сюда из восточных регионов, не акцентируя и не дифференцируя его формы (Нариманов, 1987:118).

Таким образом, сегодня мы можем с уверенностью говорить, что указанная деталь в оформлении горловин неолитических сосудов в различных вариантах один к одному представлена на памятниках и традиции Гарабахского неолита и традиции Шомутепе. И это при чётком различии традиций, что мы склонны связывать с их хронологическим сосуществованием. То есть, указанный элемент можно рассматривать как синхронизирующую ватерлинию в хронологическом сопоставлении неолитических памятников и традиций этих двух регионов.

К западу, от ареала расселения носителей традиции Шомутепе, на Южном Кавказе нам не известны неолитические традиции, характеризующиеся керамикой с растительной примесью. Там известная нам керамика всегда формована с неорганическими грубыми добавками, к которым тяготеет керамическая традиция Шомутепе.

К югу и востоку от ареала культуры Шомутепе представлены традиции с растительной керамикой, наиболее близкий из которых

ареал Гарабахского неолита, непосредственно соприкасавшийся с ареалом традиции Шомутепе.

Нам представляется, что ещё до сложения традиции поселения Шомутепе произошло соприкосновение носителей двух различных керамических традиций. Это было не простое внешнее влияние. Происходило непосредственное слияние носителей двух совершенно различных этногенетических начал, в результате чего и сложилась традиция Шомутепе.

С одной стороны, в этом традицияобразующем контакте участвовали носители традиций начальных этапов Гарабахского неолита – Прото-Гарабахский неолит. От них шомутепинцы, в частности приняли навыки изготовления керамики с растительной примесью и сосуды с перепонкой у горловины. К этому времени, относится и возникновение единства их архитектуры, само происхождение которой предмет особого исследования. В данной работе мы этого не будем касаться.

Производился ли анализ количественного соотношения двух типов керамики шомутепинских памятников в различных частях её ареала, мы не знаем. Но думаем, что если такую работу провести, то процентное количество керамики с растительной примесью от её восточных границ к западным значительно сократится. Пока для подтверждения сказанного можно указать лишь на керамику поселения Гёйтепе, где количество керамики с растительной примесью, в процентном отношении более чем вдвое, если не втрое больше, чем на Шомутепе, и она составляет приблизительно половину всей коллекции (Quliyev и др. 2010).

В связи со сказанным естественно возникает вопрос, почему же тогда традиция Шомутепе при сложении воспринявшая керамику с растительной примесью и оформление горловин сосудов с перепонками не восприняла импрессированное оформление их поверхностей. Тогда как в Гарабахском неолите все три показателя сосуществуют.

Все три названных показателя впервые встречаются на поселении Иланлытепе. Этот памятник фактически представлял один строительный горизонт, толщиной 1–1,2 м (Нариманов, 1967; он же, 1968). То есть временные рамки его существования небольшие. Все остальные памятники, за исключением поселения Чалагантепе, где аналогично Иланлытепе сосуществуют три указанных показателя керамики, представлены материалом, собранным с их поверхности и вероятнее всего происходившим с верхних, не самых ранних горизонтов их культурных отложений.

На поселении Чалагантепе, толща культурных отложений 4,3 м, из которых 1,2 метра залегают ниже современного горизонта. И.Нари-

манов исследовал 2 м нижней толщи культурных отложений, на участке, где два верхних метра были скрыты до него (Нариманов, 1987).

Керамика этого памятника включала все три указанных показателя Гарабахского неолита – керамику с растительной примесью, сосуды с перепонкой у горловины и фрагменты керамики с импрессирующей поверхностью. Но в отличие от Иланлытепе, импрессирующая керамика единична. И самое главное, облик массовой керамики и обработки её поверхности также несколько иной, близкий к такой же керамике на шомутепинских памятниках. В частности, на них почти нет красноокрашенной хорошо лощеной посуды, что чётко представлено на Иланлытепе и других памятниках Гарабахского неолита, известных по подъёмному материалу.

Поселение Иланлытепе по отношению к Чалагантепе, представляет поздний этап ранних поселений в системе памятников Гарабахского неолита (Нариманов, 1987:138). Чалагантепе на сегодняшний день является самым древним из Гарабахских памятников и на нём, как уже сказано, импрессирующая керамика единична.

К югу от Южного Кавказа, импрессирующая керамика также известна нам с относительно поздних памятников и слоёв неолитических поселений (Нариманов, 1987:127; Nishiaki/Matsutani, 2001, plate I:3,6-9). Вопрос о происхождении импрессирующей керамики на Южном Кавказе является темой отдельной работы. Скажем только, что различные накольчатые украшения и обработка поверхности сосудов широко представлены в большом хронологическом промежутке культур южной полосы Восточной Европы и в неолите Западной Грузии (Ниберидзе, 1972)

Возможно, к моменту сложения традиции Шомутепе импрессирующей керамики на территории Гарабаха ещё не было, и она не могла быть передана в эту новую ещё складывающуюся традицию. Когда импрессирующая керамика тут появилась, процесс сложения традиции Шомутепе уже был завершён.

К сказанному следует добавить, что по радиоуглеродной датировке поселение Чалагантепе, во время существования которого импрессирующая керамика, вероятно, только появляется, относится ко второй четверти V тыс. до н.э. и хронологически сосуществует с основной массой памятников традиции Шомутепе (Нариманов, 1987:132-133).

Формы керамических сосудов традиций Шомутепинского и Гарабахского неолита также интересны. Наряду с общими для обоих бочковидными и другими образцами, каждая из них имеет свои знаковые формы, безусловно связанные с генетическими корнями их керамики.

Для Гарабахского неолита знаковой формой являются бочкообразные кувшины на относительно небольшом плоском днище, которое без выделенной пятки переходит в стенки сосуда. Наиболее широкий диаметр их корпуса находится в нижней половине ближе к основанию, где выделено ребром подкосом, через которое резко сворачивает к днищу. Эта часть ровная или даже слегка вогнутая. Выше ребра стенки плавно заходят к горловине.

За исключением памятников Гарабахского неолита, на Южном Кавказе сосуды такой формы нам не известны. Аналогии им и по форме, и по составу черепка мы находим в протохассунских памятниках, далеко на юге от Кавказа (Бадер, 1989:109-198; Рис. 8:1-3).

Для традиции Шомутепе знаковым типом керамики являются горшкообразные кувшины, обычно на небольшом массивном днище с выступающей пяткой, вздутым туловом со слегка заходящими к широкой горловине стенками. Максимальный диаметр тулова в середине или верхней половине корпуса. Все они формованы из глины с грубыми добавками. Широкие параллели этим формам мы видим на широкой полосе юга Восточной Европы (Маркевич, 1973: рис. 3,3; 5,1,2; Юдин, 2004: рис. 90; рис. 9:1-5).

Во время археологических исследований на древних памятниках Южного Кавказа был выявлен интересный факт, связанный с микротопографией. Так, на раскопанных памятниках удалось определить, что основания многих из них находятся на различной глубине ниже современного горизонта.

Информации об уровне основания поселения Шомутепе автор раскопок не даёт, но указывает, что строения возводились на поверхности жёлтоглиняного пласта (И.Нариманов, 1962–64). В настоящее время этот участок занят домами и засажен деревьями. По сообщению жителей этого участка, при посадке деревьев и других земляных работах жёлтоглиняный пласт выявляется на глубине около 0,7 м.

На поселении Гаргалартепеси основание культурных отложений находилось на 1,5 метров ниже современного горизонта (Нариманов, 1987:23).

На поселении Ментештепе, на глубине 1,5–2 метров ниже современного горизонта происходит смена традиций. Ниже этого уровня залегают отложения культуры с круглоплановой архитектурой, аналогичной памятникам Гарабахского неолита и традиции Шомутепе. Выше как архитектура, так и облик культуры меняются. Мы не знаем, на какой глубине находится основание поселения с круглоплановой архитектурой, но то, что она превышает 2 метра, факт (Леонет/Кулиев, 2011).

На памятниках региона традиции Шомутепе традиции более позднего времени, в частности на поселении Бёюк Кесик, почти 2-х метровые отложения полностью находятся ниже современного горизонта и он не имеет наземных топографических признаков. То же самое можно сказать о поселении Пойлу, где основания около 0,9 м отложений IV тысячелетия залегают на глубине 1,8 м и их перекрывают отложения эпохи поздней бронзы, также находящиеся ниже горизонта (Ахундов/Махмудова, 2008).

В ареале традиции Гарабахского неолита на поселении Чалагантепе основание памятника находилось ниже современного горизонта на 1,2 м (Нариманов, 1987:50), на Лейлатепе – не менее 0,5 м. Основание кургана Учтепе, раскопанного А.А.Иессеном, находилось на 1,7 м ниже современного горизонта (Иессен, 1965).

Из вышесказанного ясно, что уровень горизонта прилегающего к памятникам, за прошедшее время поднялся на различную высоту.

Выше мы отметили, что в своих предшествующих работах, основываясь на геоклиматических предпосылках расселения на Южном Кавказе, самым древним ареалом расселения оседлых земледельцев и скотоводов считали как Гянджа-Газахский регион Азербайджана, так и примыкающий к нему регион Грузии, связывая этот процесс с традицией Шомутепе. Мы и сейчас с некоторыми уточнениями стоим на тех же позициях, считая, что этот регион был освоен раньше других. Это, на первый взгляд, противоречит всему вышесказанному. Наша позиция основывается, в частности, на следующем.

Установлено, что начавшееся с начала XI тыс. до н.э. постъюрмское потепление на Кавказе имело несколько пиков, неоднократно прерывавшихся заметными похолоданиями (Шнитников, 1954). В VIII–VI тыс. до н.э. (бореальный период) на южном Кавказе господствовал климатический оптимум. В VI–III тыс. до н.э. (атлантический период) этот регион, в целом, уже характеризовался одновременным понижением как температур, так и осадков (Мамедов/Велиев, 1988; Велиев/Тагиева, 1990). Все это отражалось на динамике уровня Каспийского моря.

В начале XI тыс. до н.э., когда уровень Каспийского моря находился на абсолютной отметке – около +45 м (на 73 м выше современного уровня Каспия), начинается его длительная стадия регрессии, завершившаяся к началу X тыс. до н.э., после чего он вступает в очередную стадию трансгрессии. В начале второй половины X тыс. до н.э. уровень Каспийского моря достигает своего очередного пика, абсолютного уровня около +21 м (то есть на 49 м выше современного), после чего опять вступает в длительную стадию регрессии, которая к концу

IX тыс. до н.э. достигнув минимального уровня, вновь вступает в стадию трансгрессии (Шнитников, 1954, график).

К середине VIII тыс. до н.э. уровень, достигнув своего очередного пика абсолютной высоты около +14 м (на 42 м выше современного) переходит к очередной длительной стадии глубокой регрессии, которая завершается к середине VII тыс. до н.э. После кратковременного стабильного состояния Каспий вступает в очередную стадию трансгрессии и уже в первой половине-середине VI тыс. до н.э. его уровень находится на абсолютной отметке около +8 м (то есть на 36 м выше своего современного уровня) и достигает своего очередного пика. Последовавшая за этим стадия длительной регрессии завершается в первой половине V тыс. до н.э., после чего опять начинается трансгрессия, завершившаяся к началу IV тыс. до н.э. на абсолютном уровне около - 8 м (на 20 метров выше современного уровня Каспия) (Шнитников, 1954, график)

Следует отметить, что процессы трансгрессии по отношению к регрессии протекали более быстро и интенсивно. Начиная с постюрмского времени, каждый последующий после регрессии трансгрессивный пик уровня моря не достигал уровня предшествующего и регрессивные процессы по времени и уровню значительно превосходили трансгрессивные (Шнитников, 1954, график).

Каждый раз при очередной регрессии, когда уровень Каспия постепенно падал, вместе с ним постепенно падал и базис впадающих в него рек. Русла их постепенно углублялись и врезались в равнину, паводков становилось всё меньше и меньше. Затапливавшиеся и заболачиваемые в предшествующий период равнины, в этот период осушались. Этот процесс, в целом, имевший конкретное направление с запада на восток следуя за отступавшим Каспийским морем, на отдельных локальных участках мог иметь и несколько смещённое направление, обусловленное направлением основных водоносных артерий.

Но когда начиналась стадия трансгрессии и уровень Каспийского моря постепенно повышался, происходил обратный процесс. Вместе с уровнем моря повышался и базис впадающих в него рек. Следуя закону механики речного русла, они на равнинах постепенно заполняли свои русла, начинали периодически разливаться, затапливать и заболачивать прилегающие равнины, откладывая на них аллювиальные отложения, поднимая и выравнивая их уровень, перекрывая незначительные возвышения на них.

Ареал расселения традиции Шомутепе самая западная и относительно Каспийского моря высокая часть южнокавказских (прикуринских) равнин. Землеобразование здесь произошло ранее других и тран-

агрессивно-регрессивные колебания Каспийского моря должны были происходить менее агрессивно. На этой территории раньше других должны были появиться предпосылки для расселения носителей оседлого земледельческо-скотоводческого производящего хозяйства. И они расселились. Но это были не Шомутепинцы, представляющие уже развитый этап неолита, а их предшественники, с которых начался неолит Южного Кавказа. Эти наши предположения, пока не подтверждённые фактическими данными, основываются лишь на логике всего вышесказанного и конечно требуют дополнительного обоснования. Мы уверены, что фактические данные будут найдены в недалёком будущем.

Для ответа на вопросы, как и когда это происходило, основываясь на вышесказанном, попытаемся реконструировать имевшие место процессы.

В VIII–VI тыс. до н.э. постъюрмское потепление достигло климатического оптимума – оптимально благоприятного сочетания высоких температур и увлажнения. Каспий, после очередного пика трансгрессии, в первой половине-середине VIII тыс. до н.э. переходит в стадию регрессии, завершающуюся к середине VII тыс. до н.э. Уровень его падает, особенно в начальном этапе реки прорезают глубокие ложа на аллювиальной равнине, разливы их становятся менее разрушительными, уровень грунтовых вод на равнине понижается, равнина становится благоприятной для ведения оседлого хозяйства, что вдобавок стимулировалось климатическим оптимумом. И, вероятно, уже в VII тыс. на приречных аллювиальных равнинах прикуринской низменности у «самой воды» расселились первые носители производящего хозяйства Кавказа. Это время - время продвижения на восток и расселения в районе тогда ещё будущего ареала традиции Шомутепе, носителей начала неолита Западной Грузии привнесших сюда все свои традиционные атрибуты.

Но в середине VII тыс. до н.э. после кратковременного уравновешенного стояния Каспийское море переходит в трансгрессивную стадию, достигая пика в первой половине-середине VI тыс. до н.э. В это время на приречных равнинах, благоприятных для носителей оседлого земледелия, начинается обратный процесс.

Вместе с уровнем моря повышается и базис впадающих в него рек. На равнинах они постепенно заполняют свои русла, начинают периодически разливаться, затапливать и заболачивать прилегающие равнины, откладывая на них аллювиальные отложения, поднимая и выравнивая их уровень, перекрывают незначительные возвышения на них. Поселения у «самой воды» покидаются, покрываются речными отло-

жениями, а их насельники переходят на более высокие участки, основывают новые поселения.

В ходе этого процесса различного рода перемещений, видимо и сошлись носители двух керамических начал Шомутепинской традиции – керамики с растительными и керамики с неорганическими добавками. Процесс трансгрессии Каспийского моря и все вытекающие из этого геопроцессы на Южном Кавказе происходили по направлению с востока на запад. И естественно вынужденные перемещения в это время должны были происходить в ту же сторону.

В таком случае не удивительно, что в Гарабахском неолите мы не видим влияния носителей традиций керамики с неорганическими добавками, ареал которых находится западнее Гарабаха. И, наоборот, в традиции поселения Шомутепе есть доля керамики с растительной примесью, не характерной для западных регионов Южного Кавказа.

Но где же тогда остатки первых поселений предшественников Шомутепинского и Гарабахского неолита, где они «переждали» трансгрессивную эпоху?

Исходя из всего вышесказанного, мы думаем, что поселения, возникшие на приречных равнинах у «самой воды», во время наиболее низкого стояния очередной регрессии Каспийского моря были покинуты, а при очередной трансгрессии покрылись аллювиальными отложениями. Обитатели этих поселений переместились на более высокие гипсометрические территории, прижатые к подножью прилегающих гор.

Вероятно, это наиболее интенсивно происходило в ареале предшественников Гарабахского неолита, расположенного на более низких уровнях широких равнин. В настоящее время остатки поселений у «самой воды», в лучшем случае находятся ниже современного горизонта на участках расположенных ближе к Куре и Араксу, основным водным артериям региона, куда стекают все остальные реки. Не исключено, что часть их просто срезана миандрирующими руслами рек.

Что касается остатков поселений, непосредственно предшествующих сложению традиции Шомутепе, то думаем, что искать их нужно или под уже известными памятниками этой традиции или недалеко от них, под аллювиальными отложениями.

Для фактологического подтверждения всего сказанного и нахождения остатков поселений предшествующих традиции Гарабахского неолита и сложению традиции Шомутепе, необходимо проведение комплексного исследования с изучением геоморфологии, микро и ареальной топографии уже известных памятников, динамики развития русел рек и ряда других направлений. Месторасположение этих памятников нужно просто высчитать.

Литература:

1. Alməmmədov X.İ., Quluzadə N.V. Qarabağ neolit-eneolit ekspedisiyasının 2013-2014-cü illərdə apardığı işlər. Bakı, 2014, s.60-73.
2. Alməmmədov X.İ., Axundov T.İ. Qarabağ eneolit ekspedisiyasının 2010-cu ildə apardığı arxeoloji tədqiqatların hesabatı, Bakı, 2011, Архив Института Археологии и этнографии НАН Азербайджана.
3. Ахундов Т.И., Махмудова В.А. Южный Кавказ в кавказско-переднеазиатских этнокультурных процессах IV тыс. до н.э. Баку, 2008.
4. Ахундов Т.И. Памятники Муганской степи и предпосылки расселения ранних земледельцев Южного Кавказа в эпоху неолита-энеолита // *Stratum plus*. № 2 (Кишинёв 2011), с. 219-236.
5. Ахундов Т.И. У истоков Кавказской цивилизации: Неолит Азербайджана, Книга первая, Шомутепе. Баку, 2013.
6. Бадер Н.О. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. Москва, 1989.
7. Велиев С.С., Тагиева Е.Н. Климат Кавказа в Атлантический период голоцена (в связи с проблемой климатического оптимума) // Известия АН Азербайджанской ССР, серия наука о земле, № 5-6, Баку, 1990, с. 37-31.
8. Quliyev F., Nişiyaki Y., Hüseynov F., Kadoüaki S., Tanno K., Hayakava Y., Hacızadə N., Babayeva T., Kume Sh., Shimoqama K., Arimatsu Y., Akashi Ch. Göytərə neolit yaşayış yerində arxeoloji qazıntılar // *Azərbaycanda arxeoloji qazıntılar 2009*. Bakı, 2010, с. 45-54.
10. Иессен А.А. Раскопки большого кургана в урочище Уч-тепе // *Материалы и исследования по археологии СССР*, № 125, Москва-Ленинград, 1965, с. 153-193.
11. Леонет Б., Кулиев Ф. О раскопках на поселении Ментежтепе // *Доклад сделанный в Центре французской культуры*, Баку, ноябрь 2011.
12. Мамедов А.В., Велиев С.С. Изменение климата в Восточном Закавказье в позднеледниковье и голоцене // *Палеоклимат Голоцена Европейской территории СССР*. Москва, 1988, с. 170-181.
13. Маркевич В.И. Памятники эпохи неолита и энеолита // *Археологическая карта Молдавской ССР*, выпуск 2, Кишинёв, 1973.
14. Нариманов И.Г. Археологические исследования поселения Шому-тепе в 1963 г. // *Сессия посвящённая итогам археологических работ 1963 г. Тезисы докладов и сообщений*, Баку, 1964, с. 6-7.
15. Нариманов И.Г. Археологические исследования поселения Шому-тепе в 1963 году // *Археологические исследования в Азербайджане*. Баку, 1965, с. 45-53.
16. Нариманов И.Г. Древнейшая земледельческая культура Закавказья // *Доклады и сообщения археологов СССР на VII Международном конгрессе доисториков и протоисториков в Праге*. Москва, 1966, с. 121-126.
17. Нариманов И.Г. Исследование энеолитических поселений в Азербайджане: Археологические открытия 1967. Москва, 1968, с. 316-317.

18. Нариманов И.Г. Раскопки энеолитического поселения Иланлы-тепе // Археологические открытия 1968. Москва, 1969, с. 396-397.
19. Нариманов И.Г. К итогам археологических раскопок в Иланлы-тепе // Материалы сессии, посвящённой итогам археологических исследований 1970 года в Азербайджане. Баку, 1971, с. 5-6.
20. Нариманов И.Г., Азимов М.С. Энеолитическое поселение Чалагантепе. Баку, 1985.
21. Нариманов И.Г. Культура древнейшего земледельческого населения Азербайджана. Баку, 1987.
22. Ниберидзе Л.Д. Неолит Западного Закавказья. Тбилиси, 1972 (на грузинском языке, резюме на русском языке).
23. Nishiaki Y., Matsutani T. Tell Kosak Shamali. Vol. 1, Tokyo, 2001.
24. Rüstəmov S.N. Töyrətərdə 1962-ci il qazıntısının hesabatı (Баку, 1963) // Личный архив Т.И.Ахундова.
25. Шнитников А.Б. Ритм Каспия в постъюре // Доклады Академии наук СССР, Геология, Т. ХСIV (4), с. 753-756.
26. Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов, 2004.

Summary

On the problem of Shomutepe tradition's genesis

Tufan Ishag oglu Akhundov

Institute of Archeology and Ethnography, Azerbaijan National Academy of Science

The investigation of the problems of the epoch of the productive economy's formation in the Caucasus lasts already for several decades. The considerable work had been done but many questions concerning its bearers are still had not solved. In particular we can talk about such strategically important questions as their origin and intracaucasian intratraditional interactions. In this work we offer our outlook on the origin of Shomutepe tradition.

We suppose that before the formation of Somutepe settlement's tradition there took place a contiguity of two different ceramic traditions. It was not the influence of one tradition on the other. There took place a direct blending of bearers of two absolutely different ethnogenetic constituents and in the result Shomutepe tradition was formed. From one side in this tradition – forming contact participated the bearers of the tradition of the beginning stages of Qarabakh Neoliths – i.e. Protho-Garabakh Neoliths which moved to the west. From other side the bearers of the beginning stages of Neoliths in the Eastern Georgia which moved to the east and brought here their own traditional attributes.

For factological affirmation of the aforesaid items and the finding of remainders of settlements preceding the tradition of Garabakh Neoliths and the formation of Shomutepe tradition it is necessary to carry out the complex research with investigation of geomorphological, micro-and areal topography of already known monuments of these traditions, the dynamics of development river – beds and of a number of other directions. The place of location of these monuments should be simply counted.

Key words: Shomutepe, Neoliths, Garabakh Neoliths, Western Georgia, Caucasus, ethnogenetic, tradition, geomorphology, settlement, topography.

Xülasə

Şomutəpə ənənəsinin mənşəyi problemlərinə dair

Tufan İshaq oğlu Axundov

Arxeologiya və Etnoqrafiya İnstitutu, Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası

Qafqazda istehsal təsərrüfatının formalaşma dövrünün problemlərinin tədqiqi artıq bir neçə onillərdir davam edir. Əhəmiyyətli işlər görüldü, lakin bunların daşıyıcıları ilə bağlı bir çox məsələlər hələ də açıq qalıb. Xüsusilə, onların mənşəyi və Qafqazdaxili ənənələrarası əlaqələr kimi strateji məsələlər haqqında danışmaq olar. Bu tədqiqatımızda biz Şomutəpə ənənəsinin yaranmasına öz baxışlarımızı təqdim edirik.

Fikrimizcə, hələ Şomutəpə yaşayış yerinin ənənəsinin formalaşmasından əvvəl, iki müxtəlif saxsı ənənələrinin daşıyıcılarının qovuşması baş vermişdir. Bu bir ənənənin digərinə təsiri deyildi. Şomutəpə ənənəsinin formalaşmasına gətirən iki tam fərqli etnogenetik başlanğıcın biri-birinə qovuşması baş vermişdi.

Bir tərəfdən bu ənənəyaradan kontaktda qərbə yönələn Qarabağ neolitinin başlanğıc mərhələsinin daşıyıcıları – Protoqarabağ neolit ənənəsi, digər tərəfdən isə şərqə yönələn və buraya öz ənənəvi atributlarını gətirən Qərbi Gürcüstan neolitinin başlanğıc mərhələsinin daşıyıcıları iştirak edirdi.

Deyilənlərin faktoloji təsdiqini, Qarabağ neolitini və Şomutəpə ənənəsinin yaranmasını ertəliyəən yaşayış yerlərinin qalıqlarının tapmaqdan ötrü, bu ənənələrin məlum olan abidələrinin mikro və areal topoqrafiyası, ərazilərinin geomorfologiyası, çayların məcrələrinin inkişaf dinamikası və bir sıra digər istiqamətlərdə kompleks şəkildə öyrənilməlidir. Bu abidələrin yerlərini sadəcə olaraq nəzəri hesablamalar nəticəsində təyin etmək lazımdır.

Açar sözlər: Şomutəpə, Neolit, Qarabağ neoliti, Qərbi Gürcüstan, Qafqaz, etnogenetik, ənənə, geomorfologiya, yaşayış yeri, topoqrafiya.